

Герменевтика права: проблема интегративной трактовки

Борисов Геннадий Алексеевич

Профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук. Адрес: 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. E-mail: Info@bsu.edu.ru.

Носков Владимир Алексеевич

Профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук. Адрес: 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. E-mail: Info@bsu.edu.ru.

Abstract

Статья посвящена развитию идеи о синтезирующей философии права и интегративном типе правопонимания в отечественной теории права. Уточняются представления о ключевом значении базовых естественно-правового и юридико-позитивистского типов правопознания. Рассматриваются их метаморфозы как в связи с формированием ряда надпозитивных подходов к познанию сущности права, так и подходов, ориентированных на познание внутренних закономерностей развития права с помощью эмпирических методов. Углубляются представления о социологической трактовке права, о формально-догматической методологии и новой трактовке технологической стороны правопознания. Ставится вопрос о неизбежности востребования интегративного типа понимания права и дальнейшего развития идей о современных теоретико-методологических его основаниях.

Keywords: правовое государство, технологическая трактовка права, юридический позитивизм, юридическая техника, интегративное понимание права, тип правосознания, гражданское общество, универсализм в понимании права, юснатурализм, формально-догматическая методология правопознания, социологическая трактовка права, герменевтика права

Современное развитие правовой системы обуславливается процессами секуляризации, гуманизации, демократизации жизни общества, стимулированием многообразных форм, механизмов и способов социального самовыражения человека. раскрепощения его творческих сил и способностей. В то же время в этих судьбоносных процессах право играет не только роль «объекта», т.е. производного фактора, но и роль «субъекта» — их активной стороны. Это выражается в стремлении ключевых участников (акторов) формирования, развития и структурирования государственно-правовой жизни опираться на право и законодательство как фундаментальные ориентиры и регуляторы, придающие движению социальной реальности устойчивый, последовательный и предсказуемый характер. Иными словами, социальные процессы неизбежно нуждаются в адекватном юридическом оформлении с актуализацией не просто факта обозначения, фиксации их бытия, но факта их легитимного бытия, т.е. их правовой оценки, во многом определяющейся тем, какие типы правопонимания закладывались в теоретико-методологические основания трактовки феномена права.

Не претендуя на всеобъемлющую картину того, что в историческом разрезе было сделано для прояснения самого понятия «право», ограничимся анализом трех точек зрения, ставших классическими в мировой философской и политикоправовой мысли.

По мнению Т. Гоббса, генезис права следует выводить из естественного состояния человека, когда имеет место «война всех против всех»¹. Соответственно, возникающее естественное право позволяет человеку «делать все, что угодно, и против кого угодно»². В качестве реакции на освященную естественным правом необузданную свободу и вседозволенность возникает то, что предписано разумом, а отнюдь не является результатом соглашения людей — естественные (моральные) законы, которые, однако сами по себе не являются безусловным императивом, ибо очевидно, что предписания можно как исполнять, так и игнорировать. Подобная дилемма устраняется в гражданских законах, инициированных, созданных и получающих свою реализацию благодаря государству. Отсюда в концепции Т. Гоббса вырисовывается редукция права (в своих высших проявлениях) к порядку, гарантом которого является

1. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. С. 152.

2. Там же. С. 306.

государство вне зависимости оттого, самодовлеющей или подчиненной обществу силой оно является. Следовательно, свобода как субстанция права вначале являет собой обусловленную природой человека вседозволенность, затем — санкционированные разумом моральные ограничения и, наконец, — политические ограничения, освященные авторитетом и силой государства. Именно последняя форма права воплощает собой, по мнению Т. Гоббса, высшую регулятивную силу общества.

Трактовка И. Кантом права осуществляется в рамках требований практического (волевого) разума, ибо «практическое есть все то, что возможно благодаря свободе»³. Свобода — коррелят личности, руководствующейся «категорическим императивом» или априорным нравственным законом, который гласит: «Поступай согласно такой максиме, которая в то же время сама может стать всеобщим законом»⁴. Отталкиваясь отданной идеи. И. Кант соотносит мораль и право, соответственно, как внутренний (мотивирующий) и внешний (принуждающий) регуляторы поведения человека. В рамках данной взаимосвязи право изначально выступает как производное от морали, но и последняя существует постольку, поскольку признается значимость правового фактора в жизнедеятельности общества и государства. В итоге интерпретационная модель права у И. Канта представлена логической цепочкой «мораль — право — правовое государство», где каждое звено рассматривается не только с точки зрения его большей или меньшей значимости (как у Т. Гоббса), а в аспекте учета его детерминантных (определяющих) и дериватных (производных) свойств по отношению к другим звеньям этой цепочки. Исходя из этого, моральный критерий становится высшим мериллом всего, что имеет отношение к правовой реальности в различных ее формах и проявлениях.

Философия права Гегеля занимает исключительное место в силу того, что «до Гегеля понятие «право» не употреблялось в столь широком значении, охватывающем всю ту область, которая обозначается им как сфера объективного духа»⁵. Согласно Гегелю, право как выражение свободы, не может существовать вне диалектического процесса объективации духа, включающего в себя такие ступени своего развития, как абстрактное право,

3. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М., 1964. С. 658.

4. Там же. С. 279.

5. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: НОРМА, 2005. С. 505.

мораль, нравственность. Каждая из этих ступеней обладает «своим собственным правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений»⁶. Относительно абстрактного права является непосредственная свободная воля единичного лица, морали — рефлексированная в себя частная свободная воля, нравственности — субстанциальная воля «как соответствующая своему понятию действительность в субъекте и тотальность необходимости»⁷. Именно в сфере нравственности право и мораль достигают абсолютного единства, переходят друг в друга и сливаются друг с другом. В свою очередь, нравственность как завершение объективного духа воплощается в семье, гражданском обществе, государстве, венчая собой в данных моментах своего развития регулятивную пирамиду общества.

Таким образом, на примере анализа трех классических интерпретаций права можно прийти к выводу, что признание свободы в качестве субстанции права есть общепризнанная истина, что, однако, закономерно и неизбежно подразумевает плюрализм точек зрения, порожденный стремлением перейти от абстрактного (потенциальной свободы) к конкретному (актуальной свободе) в деле прояснения данного вопроса. Выходит, что в одном Случае право изначально «отягощено» гражданским законом (Т. Гоббс), во втором — моралью (И. Кант), в третьем — нравственностью (Г. Гегель). Но в любой из этих концепций получают прописку темы, мотивы и контуры юснатуралистской, позитивистской, социологической и иных трактовок права, что свидетельствует об их непреходящем значении для политикоправовой мысли как в прошлом, так и в настоящем.

Если принять отмеченное обстоятельство как данность, то приходится констатировать, что формирование и развитие права есть история противоборства различных типов правопонимания, т.е. различных подходов к пониманию, что есть сущность права как специфического явления социальной жизни⁸. В условиях и в ходе отмеченного противопоставления отчетливо просматривалась господствующая тенденция опоры каждого из этих типов правопонимания на идею универсализма, т.е. обобщенного понимания права. Она может здесь выступать либо

6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 90.

7. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. С. 329.

8. См.: Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В.М. Сырых. М.: Эксмо, 2008. С. 41.

в качестве ключевой детерминанты иных его трактовок, либо в виде притягивающей, аккумулирующей их силы, либо как фактор, аннигилирующий, упраздняющий все, что содержат оппонирующие по отношению к нему (данному подходу) интерпретации права.

Универсализм в правопонимании тяготеет при этом к преобладанию, даже абсолютизации какого-либо одного из его типов, в основе которого лежит определенная правовая реальность. Она трактуется как некая «однородность» в том смысле, что ее можно подогнать под единую объяснительную схему (норму) только данного правового типа, поскольку иные подходы к объяснению права в свете обозначенной установки становятся излишними и не востребованными. Подобная универсалистская ограниченность приводит к тому, что одна из интерпретаций права объявляется "легитимной", а другие — нет, что автоматически ведет к принижению, а зачастую, к игнорированию их эвристического потенциала, в конечном счете, к обеднению представлений о самой правовой жизни общества. Выход видится в интегративном понимании права — вполне очевидной альтернативе универсалистским интенциям в герменевтике права.

Интегративное понимание права исходит из признания разнородности правовой реальности, т.е. использования различных типов правопонимания как отражения этой разнородности с тем принципиальным допущением, что свою эвристическую ценность каждый из подходов к правопознанию может проявить, лишь соотносясь с другими его типами. Поскольку сама разнородность этой реальности не безусловна, т.е. имеет относительный характер, то очевидность интегративной интерпретации права никто не оспаривает, хотя признание этой идеи не трансформируется в ее надлежащее обоснование, поскольку все это осуществляется в основном на уровне абстракций — общих рассуждений, а не в русле конкретики — их предметного «заземления». О.В. Мартышин, например, отмечает: «Не лучше ли... не искать универсальное понятие, а сочетать разные понятия и определения, имея в виду, что каждое из них в отдельности неполно и относительно, и лишь их совокупность дает разностороннее представление о праве?»⁹.

Обоснованность высказанного соображения очевидна, хотя при этом нельзя не видеть ее декларативности, того, что она

9. См.: Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 17.

сформулирована в общих чертах и. соответственно. не подкрепляется анализом конкретных социальных проблем, событий или фактов. Можно предположить, что интегративная трактовка природы права выступает в качестве противостоящего фактора по отношению к поэлементноструктурной его герменевтике. Это подразумевает трактовку правовой жизни общества как разнородной реальности, но с акцентом на то. что ее составляющие в известной степени самодостаточны и. следовательно, нуждаются лишь в «своем» типе правопознания. позволяющем более или менее точно отразить, понять их природу. Проблема... таким образом, заключается в избегании крайностей, с одной стороны, универсалистских, с другой — сепаратистских предпочтений в трактовке права. Апелляция к праву при этом — это одно, а его трактовки — это другое, поскольку соответствующие истолкования сами детерминированы и «высокими», и «приземленными» теориями. В первом случае задается ориентация на понимание абстрактной сущности права, а во втором — его конкретной сущности. С точки зрения предельного абстрагирования сущность права видится в первооснове, которая «накладывается» на социальную реальность, изначально олицетворяющую собой принципиально однородное социальное бытие.

Смысл такой однородности в том. что все его фрагменты (элементы) подвержены правовому управляющему воздействию, осуществляемому по единым, универсальным и однозначно трактуемым «правилам игры», которые Задаются соответствующим типом правопонимания. становящимся в этих условиях самодостаточной регулятивной силой и. следовательно, не нуждающейся в использовании потенциала других правовых регуляторов (типов правопознания). Парадигма абстрактной сущности права представляется убедительной, но с одной принципиальной оговоркой — она «работает» в рамках теории «вообще», но отнюдь не тогда, когда эта теория опредмечивается, экстраполируется, преломляется, т.е. используется как инструмент объяснения и понимания феноменологических (проявляющихся) форм правовой жизни. Ведь именно в ходе подобного анализа обнаруживается гетерогенный характер этой жизни, ее очевидная неоднородность, разнокачественность и многоликость. Это самый весомый довод в пользу понимания конкретной сущности права, ориентированной как раз на учет данных обстоятельств. Следовательно, в реальном (актуальном) познании обнаружение,

собрание. обобщение, приращение знания относительно социальной и правовой реальности заключено не на путях противопоставления, а на основе сопряжения, или, если угодно, интеграции эвристического потенциала различных типов правопонимания, поскольку то, что убедительно трактуется в рамках одной интерпретации права, представляется неубедительным в рамках другого его истолкования.

Правопонимание. таким образом. — это герменевтика (трактовка) права с точки зрения двух взаимосвязанных познавательных стратегий, одна из которых апеллирует к праву как таковому, другая — к социальной реальности, которую право призвано отразить и объяснить. Образующаяся в связи с этим дилемма свидетельствует о том, что либо социальная реальность должна подгоняться под существующий тип правопонимания, либо, наоборот, эта реальность (или какой-либо ее фрагмент) в решающей степени определяет уместность использования того или иного типа правопонимания. Думается, что второй путь более плодотворен, так как в его основе лежит принципиальное допущение — признание гетерогенного характера этой реальности, ее разнородности, что предполагает сосуществование различных качеств в рамках ее бытия. Качество, как известно, есть тождественная с бытием определенность (Г.Ф. Гегель). Разнородность правовой реальности, таким образом, порождена спецификой уровней жизнедеятельности общества, его сфер, состояний, механизмов развития, «проблемных полей» и ту д.

Вместе с тем подобное допущение неизбежно предполагает корреляцию — соотнесенность с познавательным процессом, в котором смысловым ядром являются концепции правопонимания. Каждая из них в своем прикладном назначении отвечает за «конкретное качество», а не за «качество вообще», поскольку не претендует на универсализм в объяснении социальной реальности, а реализует свои эвристические возможности партикулярно, «отвечая» за тот или иной модус ее бытия.

Из каких правовых позиций, например, можно исходить, если анализировать проблему взаимосвязи гражданского общества и правового государства? По сути дела речь идет о возможности и необходимости решения проблемы порядка, которая с точки зрения Т. Гоббса считается важнейшей, если не главной, проблемой общества. Порядок — это не столько «фатальный», сколько «условный» факт, ибо он являет собой диалектическое единство устойчивости и неустойчивости, постоянства и

изменчивости, преимущества и разрыва применительно к историческому развитию. Выражаясь метафорически, социальный порядок — это не «подарок», а «приз», за который нужно бороться, используя весь арсенал средств.

Но в связи с этим возникает вопрос о том, кто уполномочен использовать данные средства. Здесь приходится констатировать двойственность самих основ порядка, ибо порядок должен в идеале поддерживаться, с одной стороны, правовым государством, а с другой — гражданским обществом. Порядок, таким образом, существует, воспроизводится, трансформируется благодаря наличию двух «проблемных полей» (полюсов) — свободы как коррелята гражданского общества и справедливости — коррелята правового государства. Свобода в своем эмпирическом «приземлении» есть атрибут конкретных индивидов — носителей персональной ответственности по отношению к социальному миру, тогда как тотальная ответственность с не меньшей очевидностью атрибутируется государством, отвечающим за порядок в масштабах всего общества. Если редуцировать (упростить) приведенные характеристики такого соотношения, то можно сделать вывод, что на индивидуальном уровне свобода «поглощает» справедливость, а на уровне государства — наоборот, справедливость первична, а свобода вторична.

Уже это допущение рождает сомнение относительно правомерности использования одного типа правопонимания применительно к интеракции правового государства и гражданского общества, ибо здесь приходится соединять, стыковать противоположные миры, воплощающие, с одной стороны, «горизонтальные» (в лице гражданского общества), а с другой — «вертикальные» (в лице правового государства) процессы, связи и отношения. Получается, что исследование проблематики взаимодействия гражданского общества и правового государства обусловлено императивностью правового дуализма, ибо и то, и другое олицетворяют предполагающие друг друга, но не тождественные основы социальной и правовой реальности.

Выше обозначенные методологические акцентировки можно развернуть и конкретизировать следующим образом. Если исходить из исторически сложившегося деления права на «натуральный» и «искусственный» блоки, то гражданское общество востребует в качестве своей правовой характеристики «естественное право», тогда как суть правового государства наиболее адекватно отражается в юридической версии

«позитивного права». В объеме понятия формально-догматической методологии в интегративной трактовке находит свое место также исследование и понимание государства с позиции различных методологических подходов: от легистского — к технологическим интерпретациям¹⁰.

Неоспоримым при этом становится тот факт, что гражданское общество состоит из свободных людей, осознающих свои права и обязанности, способных защищать их от чрезмерной опеки со стороны государства на основе четкой артикуляции своих интересов, практической реализации корпоративной (ассоциативной) солидарности, позиционирования себя в качестве равноправного партнера государства. Однако подобные социальные качества и свойства атрибутивно предполагают естественно-правовую оболочку, так как они осознаются как правовые нормы, взращенные «снизу», рожденные самой природой человека, а не дарованные «сверху», по желанию и воле государства. Только в данном контексте эти нормы становятся легитимной саморегулирующей силой общества. Иная трактовка, в частности, с позиций другого типа правопонимания, становится неубедительной, «зависает в воздухе», теряет свою релевантность.

С позиций какого типа правопонимания уместна трактовка проблемы правового государства? Ход исторического процесса подсказывает, что «природные права» человека могут проявляться как в позитивном, так и в негативном аспекте. Например, оборотной стороной свободы является не только ответственность, но и эгоизм — абсолютизация «собственного» индивидуального и корпоративного самовыражения одних лиц при одновременном игнорировании прав, запросов и интересов других лиц. Причем подобная интенция может быть оправдана ссылкой именно на естественно-правовую природу человека. Можно, конечно, возразить, что означенный негативный тип личности воспроизводится социальными условиями, провоцирующими подобные устремления, расширяющими Масштабы Эгоистического самовыражения человека.

Но. как представляется, наряду с обозначенными условиями, актуализируется проблема предисловий — наличия четко артикулированных норм юридического позитивного права. Их формальным источником становится государство, отвечающее за

10. См.: Корнев В.Н. О некоторых методологических подходах к исследованию государства // Российская юстиция. 2009. № 12. С. 66-68; Четвернин В.А. Понятие права и государства. Введение в курс теории права и государства. М.: Дело, 1997. С. 83-104 и др.

порядок в обществе с точки зрения справедливости, т.е. обеспечения первичности социального по отношению к индивидуальному, интересов и запросов общества по отношению к намерениям и желаниям отдельных индивидов и т.д. Позитивное право в аспекте подчеркивания приоритета ценности порядка вкупе с гарантией обеспечения и реализации ценности свободы личности — это и есть правовое государство. В «сухом остатке» получается, что гражданское общество и правовое государство как ключевые акторы социальной жизни являются носителями, соответственно, естественного и позитивного начал в праве и, таким образом, продуцируют, рождают, задают соответствующие типы правопонимания — естественно-правовой и юридико-позитивистский. Последние становятся базовыми среди всех других научных подходов к правопознанию.

При этом необходимо признать, что характеристика реальных взаимоотношений гражданского общества и правового государства приводит к метаморфозам названных ключевых (базовых) типов правопонимания. Это получает свое воплощение. с одной стороны, в условиях формирования ряда надпозитивных подходов к познанию сущности права, порожденного самой природой человека в его взаимодействии с теми факторами, которые трансцендентны по отношению к праву (мировоззренческие, психологические, аксиологические, теологические, нравственные, антропологические и др.

С другой стороны, в направлении отвлечения от «внешнефакторного» воздействия на право и акцентировки внимания на познании собственной нормативной природы права с использованием познающими субъектами специфических приемов, способов и средств научного поиска, формируется множественность исследовательских направлений, нацеленных на собирание, описание, обобщение, возведение в принцип реально существующих правовых явлений. Объектом научного анализа становится исключительно позитивное право с точки зрения того, как оно устроено и образовано независимо от его содержания, т.е. в облике действующего законодательства. Как объективное, так и субъективное право здесь познается как данность, представлено в накопленном обширном законодательном материале и в равноценной совокупности знаний о внутренних его закономерностях, в соответствии с которыми оно существует, развивается, приобретая в этом процессе новые качества. С помощью эмпирических методов

законодательные предписания могут лишь уточняться, но не формулироваться изначально, как это имеет место, допустим, в естественно-правовой концепции правопознания.

Юридический позитивизм рассматривается как явление собирательное. Оно охватывает ряд других концепций правопознания, определяющих саму сущность права, исходящих из того, что исследовательской базой для его определения являются действующие юридические решения (законы, правовые акты судебной власти), а также другие реальные правовые явления — правовой порядок, правовые отношения, правосознание и др. Модуль классического (догматического) позитивизма, например, с учетом названных особенностей эмпирической основы оценивается как исходный. В нем право рассматривается не только как объективированные юридические решения, но и как преобразованное законодательство такого качества, при котором выявленное содержание реальных законоположений в максимальной степени эффективно можно применить к каждому конкретному случаю. В научных исследованиях данный тип правопознания именуют юридической техникой и формально-догматическим методом. Последний не является чем-то извне занесенным в право. Напротив, он становится единственным способом верного практического владения им¹¹.

Названные разновидности юридического позитивизма не исключают формирование других его направлений, которые, в частности, ассоциируют право с целями и интересами субъектов правовых отношений (юриспруденция интересов), с фактическим правопорядком, с «правом в действии» (которое противопоставлялось «праву в книгах»), с фактическими юридически значимыми действиями субъектов (прагматический позитивизм). Востребованность названных моделей юридического позитивизма обусловлена тем, что сформулированные государством нормы должны воплотиться на практике, равно как и естественные права человека необходимо наполнить содержанием через конкретные процедуры и механизмы их артикуляции, реализации и защиты. Связующим звеном здесь являются решения правового характера, принимаемые государственными органами либо с опорой на существующие законы, либо путем правотворчества в форме прецедентов, но замыкающиеся, в конечном счете, на правах и

11. См.: Усков О.Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. Учебное пособие. Белгород: БелГУ, 2007. С. 10-12.

законных интересах конкретных граждан. В этом отношении большое значение приобретает социологическая трактовка права, прагматический позитивизм, который становится одним из ведущих направлений, задающих выходы и на проблему легизма — правового государства с точки зрения эффективности принятых правовых решений, и на проблему юснатурализма — гражданского общества с точки зрения защиты естественных прав человека.

Прагматической составляющей процесса социализации (развертывания) легизма и юснатурализма. в частности, является формально-догматическая методология правопознания. Здесь нужно, с одной стороны, принимать во внимание, насколько продуктивно и целеустремленно структуры власти и уполномоченные лица (в лице чиновничества и служащих) овладевают буквой и духом закона с вытекающими из этого алгоритмами их действий и процедур. С другой стороны, в какой степени граждане государства владеют знаниями данных ипостасей (форм) правовой реальности с целью адекватного реагирования на изменяющиеся условия и обстоятельства. реализации и защиты своих прав и законных интересов. В рамках догматического контекста взаимодействия гражданского общества и правового государства на первый план выходит технологическая трактовка права, тогда как мировоззренческие. аксиологические, нравственные, психологические и иные надпозитивные подходы становятся герменевтической калькой второго порядка.

На технологический контекст формально-догматической методологии в последнее время все чаще обращается внимание. Эта сторона формально-догматической методологии именуется в юридической литературе как юридическая техника. Она определяется как «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществлении иной юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации. властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания»¹².

В результате получается, что. например, правовая оценка гражданского общества — это одно, правового государства — другое, реального взаимодействия гражданского общества и правового государства — третье, догм (канонов) этого

12. Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 8.

взаимодействия — четвертое и т.д. В каждом из этих случаев один тип правопонимания играет ведущую, а остальные — вспомогательную роль.

При всей, на первый взгляд, несовместимости, проанализированные типы правопонимания представляют собой некое диалектическое (противоречивое) единство, особенно в прикладном аспекте, т.е. в их использовании в качестве познавательного инструментария применительно к конкретным явлениям, событиям и процессам социальной жизни. Этот парадигмальный симбиоз неизбежно востребует интегративное понимание права, выступающего в связи с этим как система, где каждый ее элемент (тип правопонимания) одновременно играет роль и причины (детерминанты) по отношению к другим элементам, и следствия (деривата). Какой тип правопонимания становится «причиной», а какой — «следствием», определяется познавательным контекстом — целью и задачами, объектом и предметом исследования, мировоззренческо-методологической ангажированностью познающего субъекта и т.д. Ясно в связи с этим, что интегративная методология правопонимания востребуется тогда, когда она формируется и обозначается не как «в себе бытие», но как «для себя бытие». Это равнозначно реальному применению, использованию данной методологии в анализе социальной реальности в аспекте подчеркивания ее многообразия, многоликости, разнородности, диалектического характера развития, не сводимого к тому, что кажется «очевидным». Ипостась «очевидного» может быть также тем, что уводит в сторону познающую мысль, затушевывает существо возникающих проблем и, следовательно, провоцирует аберрации (отклонения) в их изучении, понимании и оценке.